

czasowników inchoatywnych dotyczą prefiksów *do-*, *npu-*, specyficznych dla języka bułgarskiego.

Monografia znacznie poszerza naszą dotychczasową wiedzę o czasownikach inchoatywnych i analitycznych konstrukcjach inchoatywnych w trzech językach słowiańskich, weryfikuje intuicje i tradycyjne poglądy o tendencji języka bułgarskiego do analityzmu i syntetyzmu polszczyzny i języka białoruskiego, inspiruje do dalszych badań dotyczących innych czasowników. Mocnym atutem pracy są z jednej strony jej podstawy teoretyczno-metodologiczne i z drugiej — bogaty materiał badawczy. Monografia stanowi ważną pozycję dla badań konfrontatywnych języków słowiańskich.

Zofia Rudnik-Karwatowa

Brasławszczyzna. Pamięć i współczesność. T. 1: Historia regionu. Charakterystyka socjolingwistyczna. Świadectwo mieszkańców, red. nauk. E. Smułkowa, Warszawa: Instytut Badań Interdyscyplinarnych „Artes Liberales” Uniwersytetu Warszawskiego, 2011, 659 s., + 1 płyta CD; T. 2: **Słownictwo dwujęzycznych mieszkańców rejonu (Słownik brasławski)**, red. nauk. E. Smułkowa, Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2009, 765 s.

Рецензируемое издание представляет собой фундаментальное исследование, выполненное коллективом польских и белорусских авторов под общим руководством и под редакцией проф. Эльжбеты Смулковой и базирующееся на результатах более чем десятилетней полевой работы в Браславском районе на северо-западе Белоруссии, находящемся на пограничье с балтийским (литовским и латышским) языковым массивом. Эта территория представляет исключительный интерес для социолингвистического изучения, поскольку здесь на протяжении веков сосуществовали и взаимодействовали славянские и балтийские языковые стихии — белорусский, польский, литовский и русский языки. Языковая и культурная ситуация этого региона и характерные для нее конвергентные процессы уже не раз привлекали к себе внимание и становились объектом изучения со стороны польских (Э. Смулкова, Е. Охманьски, Я. Сафаревич, Л. Беднарчук, А. Энгелькинг, Г. Карась, Е. Порайски-Помста, Р. Радзик, М. Рухневич, А. Зелиньска, М. Зовчак и др.), белорусских (В. Веренич, И. Будзько, Е. Казанцева, И. Курян и др.), литовских (К. Гаршва, Е. Гринавецкене, К. Моркунас, В. Урбутис и др.) и российских (В. Топоров, Т. Судник, Л. Невская) ученых. Однако впер-

вые они исследуются с такой систематичностью и полнотой с привлечением обширного корпуса аутентичных современных записей, что дает возможность проследить динамику языковых процессов в их соотношении с политическими, конфессиональными и культурными условиями нового времени.

В первом томе содержится *Введение* (автор Э. Смулкова), в котором определяются цель и задачи исследования, излагается история сбора материалов и подготовки издания и дается общая характеристика этноязыковых и конфессиональных групп населения района, а также характеризуется в общих чертах используемый языковой материал; затем следует раздел, посвященный истории Браславщины с древнейших времен до сегодняшнего дня (авторы — белорусские историки К. Шидловски, А. Смалянчук и А. Вялики). Второй раздел посвящен социолингвистической характеристике района и включает общий очерк ситуации и конвергентных процессов на Браславщине (автор Э. Смулкова) и главы, характеризующие историю и современное состояние каждого языкового идиома в отдельности — белорусских диалектов (И. Будзько), польского диалекта (И. Курьян), литовского языка Браславщины (Н. Биргель), говора русских старообрядцев (И. Грек-Пабисова), местного варианта русского языка (О. Гущева). Специальная глава посвящена месту языка в системе ценностей жителей Браславщины (Е. Казанцева). Третий, самый обширный раздел, содержит тексты на польском, белорусском и литовском языках, на диалекте русских старообрядцев, а также двуязычные и смешанные тексты (авторы записей И. Будзько, О. Гущева, Е. Казанцева, И. Курьян, Э. Смулкова, Н. Биргель). Том снабжен указателем исследованных населенных пунктов, списком информантов, перечнем иллюстраций, а также резюме на английском и русском языках; к тому прилагается диск с записями текстов.

Большой теоретический и практический интерес представляет обобщающая статья Э. Смулковой, в которой с позиций современной социолингвистики и социологии языка выделяются главные факторы, определяющие отношения между полиэтничным социумом Браславщины и языками, которыми этот социум пользуется. Отмечается, что в настоящее время основным средством коммуникации служит белорусский язык, его местная диалектная разновидность, в то время как польский и особенно литовский языки существенно сократили сферу своего функционирования по сравнению с довоенным периодом, когда Браславщина входила в состав Польши; в то же время значительно возросла роль русского языка (в его местном варианте), благодаря школьному образованию на русском языке и престижу русского языка как государственного, причем в независимой Белоруссии роль русского языка не только сохранилась, но в последнее время даже повышается. Ср. общий вывод, к которому приходит автор:

Можно, не рискуя ошибиться, сказать, что при ограниченном сохранении нескольких способов коммуникации на Браславщине и взаимной интерпретации систем (способности жителей пограничья продуцировать и воспринимать смешанные тексты, благодаря владению по крайней мере двумя кодами) в настоящее время системой, моделирующей высказывания „по-польски” и „по-белорусски”, является русский язык (с. 114).

В статье приводится карта, показывающая современное распространение на Браславщине белорусского, польского, литовского языков и русского диалекта старообрядцев; при этом двойными знаками обозначены населенные пункты, где польский и белорусский язык находятся в отношении диглоссии (используются в зависимости от адресатов — «своих» или «чужих»), комбинированными знаками — пункты, характеризующиеся билингвизмом (напр., окказиональным использованием польского языка при свободном владении белорусским или русским); литовский язык отмечен только в четырех пунктах центральной части района и везде в сочетании с польским и белорусским; язык старообрядцев в большинстве случаев сосуществует на правах диглоссии с белорусским и реже с польским.

Главная тенденция развития многоязычной ситуации этого региона — конвергенция, проявляющаяся на всех уровнях языка, и появление «смешанного языка» (или эффекта смешения языков). Вместе с тем, процесс конвергенции не приводит к возникновению единого наддиалектного средства коммуникации, и в смешанных текстах легко вычлняются элементы польского, русского и белорусского языков. В условиях сохраняющихся языковых, этнических, конфессиональных различий и меняющейся государственной принадлежности главной ценностью для жителей Браславщины неизменно остается традиционный местный патриотизм, привязанность к земле предков, то есть местное самосознание, играющее важную интегрирующую роль, тогда как «национальные категории, значимые для индивидуума, у большей части местного социума отходят на второй план или вообще отсутствуют» (с. 137).

Белорусские говоры Браславщины, согласно принятому диалектному членению, принадлежат к группе полоцких говоров, относящихся к северной части северо-восточного диалекта белорусского языка. Как и другие белорусские говоры, они претерпели в последние десятилетия сильное влияние русского языка. Следы балтийской принадлежности западной части региона, население которого подверглось ассимиляции, сохраняются в ограниченном употреблении литовского (окказионально и латышского) языка, а также в лексических литуанизмах в белорусских говорах (прежде всего в земледельческой и бытовой лексике). В целом белорусские говоры Браславщи-

ны, особенно их восточная часть, характеризуются чертами, общими для нескольких диалектных групп (диссимилятивным аканьем после мягких согласных, общностью значительной части обиходной лексики и др.), в то время как религиозная и общественно-политическая сфера белорусских говоров испытали сильное влияние польского и русского языков.

Польский язык представлен на Браสลавщине тремя вариантами: а) общепольским языком (*język ogólnopolski*), наименее употребительным; б) виленским вариантом польского языка (*polszczyzna wileńska*), характерным в основном для старшего поколения потомков местной шляхты; в) преобладающим типом «смешанного» польского языка (*polszczyzna „mieszana”*), степень смешения которого с белорусским и русским различна в зависимости от экстралингвистических условий (возраста, образования, речевой ситуации, индивидуальных установок и т.п.). Все это не позволяет считать польский язык Браславщины единым северо-восточным вариантом регионально-польского языка (*polszczyzny kresowej*). Роль польского языка особенно велика в сфере конфессиональной, поскольку большинство населения района — католики.

В разделе, посвященном литовскому языку, дается историческая справка о балто-славянской языковой границе (восстанавливаемой на основе прежде всего археологических и топонимических данных) в древности и в наше время и кратко характеризуются процессы славизации литовского населения, сдвигавшей постепенно границу сплошной территории литовского языка на север и запад; приводятся данные о числе (постепенно сокращающемся) носителей литовского языка в разных селах Браславщины в начале, в середине и в 70-х гг. XX века. Литовский язык этого региона сохранил немало архаических черт, утраченных другими литовскими диалектами. Помимо краткого перечня характерных особенностей местного литовского языка, в разделе содержится обзор литуанизмов в польской и белорусской лексике этого региона. Наряду с «актуальными» заимствованиями, в приводимом перечне содержатся некоторые слова общеславянского распространения, которые не являются литуанизмами и известны всем или многим славянским языкам и диалектам. Так, слав. **klěť* признается этимологами исконно славянским, а лит. *klėtis* — славянским заимствованием¹, так же как и **kulb* считается заимствованным в литовский и латышский из славянского²; слово *nerest* известно южнославянским языкам (сербскохорватскому и словенскому), поэтому

¹ *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*, ред. О. Н. Трубачев, Москва 1974, вып. 10, с. 26.

² Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева, Москва 1964–1973, т. 2, с. 412.

его считают лишь родственным литовскому слову; *lalka* в значении ‘зрачок’ скорее всего является полонизмом, причем семантическая модель «зрачок — маленький человек, человечек» широко распространена в славянских языках; слово *serce* в значении ‘сердцевина дерева’ распространено во множестве русских диалектов (архангельских, псковских, рязанских, уральских, новосибирских, красноярских³), а такие слова, как *скирда*, *вентерь*, хотя и являются балтизмами, но относятся к гораздо более раннему времени и к другой социолингвистической ситуации, чем современная ситуация Браславщины.

Говор русских старообрядцев наиболее закрытый для контактов, тем не менее тоже участвует в браславском процессе конвергенции языков. Многие из старообрядцев, особенно среди молодого поколения, свободно владеют польским и белорусским языком, немало белорусских черт (губно-губное *w*, аффрикатизированные *t'*, *d'*, деепричастие на *-(w)ǫ* в функции сказуемого и др.) и лексических заимствований проникает в их язык. В рецензируемом томе языку старообрядцев посвящен краткий очерк истории старообрядческих сел на Браславщине, возникших здесь во второй половине XVII в., и перечень характерных архаических черт (сильное аканье и яканье, сужение безударного *e > i*, протезы, наличие мягких *č* и *r* и др.).

Русский язык составляет важнейший компонент социолингвистической ситуации Браславщины. Конечно, это не литературный русский язык, а его местный вариант, насыщенный белорусскими чертами. Его роль особенно возросла после присоединения Браславщины к Советскому Союзу в 1939 году и в послевоенные годы, когда он был языком государственных институтов и языком школьного образования. Для большинства жителей Браславщины это второй или третий язык, нередко в пассивном состоянии (особенно у старшего поколения). Иногда *русским* (или *православным*) называют и русский, и белорусский язык в противопоставлении польскому (и литовскому) как *католическому*. Сферы употребления русского языка — официальное общение, он нередко используется также как язык-посредник при общении разноязычных собеседников (напр., поляки и белорусы могут пользоваться им при общении друг с другом). В языковой практике среднего и молодого поколения русский язык часто вытесняет белорусский и польский, несмотря на возросший престиж белорусского языка после обретения Белоруссией независимости.

Спецификой языковой ситуации Браславщины является то, что интерференция языков (белорусского, польского, русского, литовского) привела к их объединению в сознании говорящих в единый языковой код, имеющий

³ *Словарь русских народных говоров*, под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, Москва : Ленинград, 1965—, вып. 37, с. 194.

разные способы выражения в зависимости от ситуации. Этот «общий» язык часто определяется так: *по-нашему, по-просту, з простого, простая мова, по-своему, по-тутейшему, местный разговор, ниякая мова, мешанина, прыродная свая гаворка, смешанный общий язык* и т.п. Тем не менее каждый компонент этого «общего» языка в качестве самостоятельной системы получает различную оценку в восприятии разных этнических и конфессиональных групп, разных поколений и в разных коммуникативных ситуациях. Языковое сознание и языковая рефлексия жителей Браславщины подробно исследуются в интересной и новаторской статье Е. Казанцевой *Место языка в системе ценностей жителей исследуемого пограничья*. Автор рассматривает различные оценки языков — в зависимости от их чистоты, правильности, красоты, понятности, простоты, адекватности ситуации общения, престижа, близости отношений говорящих и др. Главным и самым сильным критерием является универсальная культурная оппозиция «свой — чужой», ср. такие оценочные определения языка: *ломаный язык, путаный язык, телячий язык*, которые могут относиться не только к чужому, но и своему языку, если его «качества» и престиж оцениваются низко. Эти оценки стоят за каждым выбором языка общения, за решением о языке обучения детей, языке домашнего общения в случае смешанных браков и т.п. Несомненную ценность для большинства жителей этого неоднородного в языковом, этническом, конфессиональном отношении региона представляет не только родной язык, но и владение несколькими (многими) языками.

Обширная третья часть первого тома отдана записанным авторами аутентичным устным текстам разговоров и интервью с информантами, сгруппированным по языковому принципу: польские, белорусские, двуязычные, двуязычные и смешанные, старообрядческие, литовские (последние включают записи более ранних лет). Эти тексты, положенные авторами в основу их теоретических наблюдений и выводов, имеют самостоятельную ценность как своего рода хрестоматия нарративов, очень разнообразная по содержанию: это и так называемые рассказы о жизни (биографические рассказы), которые в последнее время признаются фольклористами одним из жанров фольклорной прозы, это описания исторических событий, свидетелями которых были рассказчики, это повествования о семье, родителях, детях, родственниках, соседях, друзьях, рассказы о ярких личностях, о событиях политической, религиозной и общественной жизни (особенно о годах войны и оккупации), рассуждения о государстве и патриотизме, о власти, о браке, философские размышления о жизни и смерти, о судьбе, о религии и этике, о терпимости и доброте, это этнографические свидетельства о праздниках, обычаях, пище, ремеслах и занятиях, наконец, это исключительно ценные размышления информантов о языке и языковой ситуации своего региона, своего рода наивная

социолингвистика. Очень ценно и «дружественно» по отношению к читателю то, что на полях обозначается тема, затрагиваемая в тексте.

Второй том издания посвящен лексике. Он подготовлен на основе собственных полевых записей белорусскими коллегами И. Будько и О. Гуцевой (Минск) и руководителем всего проекта проф. Э. Смукловой (Варшава) при сотрудничестве литуанистки Н. Биргель (Варшава). Том состоит из трех частей: 1. Тематический реестр лексики; 2. Алфавитный индекс к тематическому реестру; 3. Алфавитный словарь трудных слов, снабженных в тематическом реестре звездочкой, с приложением избранной библиографии. В этом труде предпринят новаторский способ представления лексики, наиболее адекватный характеру «интегральной» лексики говоров пограничья. В самом деле, жители многоязычного региона пользуются лексическим богатством всех известных им языков (польского, белорусского, литовского, русского) как единым фондом, откуда свободно черпаются нужные слова, независимо от того, на каком языке порождается текст в целом. Поэтому разноязычная по происхождению лексика дается в тематическом словаре обобщенно, в одной словарной статье, как если бы она принадлежала одному языковому коду, располагающему богатой системой вариативности (синонимии). Напр., *dłoń // dałoń // ładoška*, при каждой лексеме указывается место (село) и год записи; последнее очень важно для изучения динамики интеграционных процессов в регионе. Образцом идеографического диалектного словаря послужил для авторов труд чешской исследовательницы Я. Бахманновой (J. Bachmannová, *Podkrkonošský slovník*, Praha 1998) с тем отличием, что в браславский словарь дополнительно включены указания на место и год записи слова и несколько изменены тематические рубрики; авторы придерживались структуры вопросника, использованного при сборе материала для *Атласа восточнославянских говоров Белосточчины* (*Atlas gwar wschodniostowiańskich Białostoczczyzny*, t. 1, Warszawa 1980).

Тематический словарь включает 26 рубрик: 1. Человек; 2. Животный мир; 3. Животноводство; 4. Рыболовство; 5. Земледелие; 6. Сад и огород; 7. Растительный мир; 8. Обработка льна; 9. Сырье и его обработка; 10. Рельеф; 11. Транспорт и коммуникация; 12. Строительство; 13. Домашняя утварь; 14. Приготовление пищи; 15. Одежда; 16. Болезни и лечение; 17. Отношения родства; 18. Профессии и общественная жизнь; 19. Личные качества и их носители; 20. Верования и обряды; 21. Атмосферные явления; 22. Чувства и ощущения; 23. Голос и глаголы говорения; 24. Прилагательные и наречия; 25. Местоимения, числительные и служебные части речи; 26. *Varia*. Каждая рубрика членится на подразделы, имеющие свои заголовки (напр., рубрика *Животный мир* делится на *Лесные животные*, *Домашние вредители*, *Птицы*, *Гады и пресмыкающиеся*; рубрика *Одежда*, кроме об-

щих названий, содержит подразделы *Застежки, Украшения*, куда почему-то попадает и верхняя одежда и головные уборы, *Обувь, Старинный костюм*, куда отнесена и лексика изготовления одежды и обуви); эти подразделы, а внутри их каждая идеограмма снабжаются цифровым индексом, вынесенным на поля, напр., *Игла* обозначается индексом 15.12.2, где первая цифра соответствует номеру рубрики, вторая и третья номеру подраздела и тематической группы внутри него.

В каждой идеограмме приводятся лексемы, засвидетельствованные в собранных текстах, причем лексемы из разноязычных текстов разделяются знаком //, первым даются примеры из польских текстов, затем из белорусских и русских. Такой способ представления делает наглядным использование одних и тех же слов в разноязычных текстах, ср. *pasteš, pastyr, pastux* (в польских текстах) // *pastar, pastyr, pastux* (в белорусских текстах); *cmentaš, sm'entaš, mog'ity, mog'itk'i* (в польских текстах) // *s"vintar, mohitk'i, mahitk'i, kladz"b'išče, mahilnik* (в белорусских текстах), хотя, конечно, немало и таких примеров, которые оказались представленными только в текстах на одном языке, ср. *žońeš // sađdat, l'os // sudz"ba, dužy // bal'sy, jiny // druh'i* и т.п. (это не означает, что они в принципе не могут появиться в текстах на другом языке). Ориентация на конкретный корпус записанных текстов объясняет отсутствие в словаре некоторых слов, которые в действительности вполне употребительны в говорах региона (напр., слово *žaba* дается только в значении 'узел на конце кнута' в разделе *Транспорт и коммуникации*).

Алфавитный индекс содержит около 10000 «основных» слов (*wyrazu podstawowe*), т.е. он не включает косвенных форм и регулярных дериватов; для каждого слова указывается страница, где можно найти и опущенные формы, и иллюстрации из текстов.

Необходимым и очень ценным дополнением к идеографическому словарю является толковый словарь «трудных» слов (обозначенных в идеографическом словаре звездочкой), упорядоченных по алфавиту. Можно полагать, что в нем также приводятся лишь те значения, которые засвидетельствованы в текстах, при этом толкования принадлежат составителям и в некоторых случаях подкрепляются ссылкой на *Словарь северо-западных говоров Белоруссии*⁴. Во многих статьях толкового словаря даются иллюстрации из текстов, а также отсылки к идеографической части, где такие иллюстрации, как правило, содержатся. Однако в некоторых случаях читатель не находит иллюстраций, подтверждающих выделенное составителями значение, ни в алфавитной, ни в идеографической части. Напр., в статье *dziežka* 1.'dzieža',

⁴ *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе награнічча*, рэд. Ю. Ф. Мацкевіч, т. 1–5, Мінск 1979–1986.

2. 'pojemnik do przechowywania żywności', не содержащей иллюстраций, дается отсылка к пункту 14.6.2 (в действительности должно быть 14.4.2.), где также нет иллюстраций ко второму значению. Нет иллюстраций ни в алфавитной, ни в идеографической части и к словам *duży* в значении 'wysoki', *nudzić* в значении 'zbiegać się na wymioty' (при этом в идеографическом словаре слово приводится только в разделе *Choroby skóry i inne zewnętrzne*), и т.п.

Несмотря на некоторые мелкие недочеты (в основном технического характера), рецензируемый труд представляет исключительную ценность и в теоретическом, и в методическом, и в практическом отношении. Впервые с такой полнотой и с ориентацией на специальную цель — отражение конвергентных процессов в условиях многоязычия — удалось собрать в полевых условиях и систематизировать столь значительный корпус лексики говоров пограничья на территории Браславского района Белоруссии, и записать огромный массив текстов, демонстрирующих современное состояние конвергентных процессов в этом регионе. Примененная авторами методика сбора и обработки полевого материала, принципы его «интегрального» лексикографического представления послужат примером для многих других исследователей языковых и этнокультурных контактов на территориях пограничий (хотя каждое пограничье имеет свои характерные черты), а собранный материал станет важным источником для дальнейшего изучения языковой и культурной ситуации балто-славянского пограничья. Конечно, остается еще немало вопросов, требующих своего столь же основательного изучения, напр., описание тех сфер лексики, которые остались неохваченными данным исследованием, таких как ономастика, некоторые группы абстрактной лексики, многие разряды глаголов, и характерных для этих сфер интеграционных процессов, вопросы этнолингвистического характера, сопоставление «картин мира» представителей разных этнических и языковых групп и др. (эти вопросы лишь частично затронуты в рецензируемом труде). Но все дальнейшие исследователи этого региона уже не смогут обойтись без обращения к этому фундаментальному труду, созданному совместными усилиями польских и белорусских диалектологов и изданному в Варшаве.

Светлана М. Толстая